

Е. П. Блаватская

СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА МАГНЕТИЗМА

Материалистам, которые обвиняют оккультистов и теософов за их веру в то, что каждая сила (так называемая) в природе имеет своим источником субстанциональный НОУМЕН, Сущность, сознательную и разумную, является ли она планетарной (Дхьян Чохан) или Элементарной, — мы советуем обратить внимание на куда более опасную организацию, чем та, которую называют Теософическим Обществом. Мы имеем в виду некое Общество в Соединенных Штатах, члены которого называют себя субстанционалистами. Мы называем его опасным по той причине, что эта организация, соединяя в себе догматическое церковное христианство, то есть антропоморфический элемент Библии, с солидной наукой, тем не менее делает последнюю во всем подчиненной первой. Равным образом можно сказать, что новая организация, в своем фанатичном догматизме, будет вовлекать, — если она одержит победу, — грядущие поколения в антропоморфизм без надежды на спасение. Она добьется этого сравнительно легко в нашем веке наукопоклонничества, поскольку демонстрация неопровержимого учения должна способствовать тому, чтобы наделить добавочной силой веру в гигантского человеческого бога, так как их гипотезы, как и гипотезы материалистической науки, могут быть легко приспособлены для ответа на эту специфическую задачу. Образованные и мыслящие классы общества, однажды освободившись от церковного рабства, могли бы посмеяться над научными данными Святого Августина или "достопочтенного" Бэды, которые заставляли их подтверждать авторитет и мертвые буквы того, что они рассматривали как Откровение, — что наша земля является не сферой, а плоскостью, подвешенной под кристаллическим сводом, усеянным блестящими медными гвоздями, и что солнце не больше по своим размерам, чем оно кажется на взгляд. Но те же самые классы всегда будут принуждаемы общественным мнением с уважением относиться к гипотезам современной науки — в каком бы направлении не могли бы повести их научные спекуляции. Это привело их за последнее столетие к грубому материализму; они могли бы быть снова направлены в противоположную сторону. Цикл замкнулся, и если наука когда-либо попадет в руки оппозиции — ученых "преподобных отцов" и фанатичных церковников, — то мир может обнаружить себя постепенно приближающимся к канаве на противоположной стороне дороги и в недалеком будущем впасть в грубый антропоморфизм. Еще раз массы отвергнут истинную философию — беспристрастную и несектантскую — и таким образом снова попадут в новые сети, сплетенные ими самими, — продукт и результат реакции, вызванной нашим веком всеобщего отрицания. Возвышенный идеал всеобщего, бесконечного, вездесущего Ноумена Духа, безличного и абсолютного Божества, еще раз угаснет в человеческих умах и освободит место для УЖАСНОГО БОГА ночного кошмара сектантства.

Современная официальная наука в настоящее время состоит на 5 процентов из бесспорных аксиоматических истин и фактов, а на 95 процентов — из чистых спекуляций. Более того, она сделала себя открытой для бесконечных атак благодаря своим многочисленным взаимопроверчивым гипотезам, каждая из которых по своему виду является столь же научной, как и любая другая. С другой стороны, субстанционалисты, которые включают в число своих членов, как они хвастаются, некоторых наиболее выдающихся людей науки в Соединенных Штатах, безусловно, открыли и собрали большое количество фактов, предназначенных для того, чтобы опрокинуть современные теории силы и материи. И как только их данные будут признаны справедливыми, в этом конфликте между (материалистической) наукой и (все еще материалистической) религией — результат грядущего сражения нетрудно предвидеть: современная наука будет побеждена. Субстанциональность некоторых сил в природе нельзя отрицать, ибо это факт,

существующий во Вселенной. Нет энергии или силы без материи, нет материи без силы, энергии или жизни — хотя бы и пребывающих в скрытом состоянии. Но эта конечная Материя является Субстанцией, или Ноуменом материи. Таким образом, голова золотого Идола научной истины падет, потому что он стоит на глиняных ногах. В таком результате нет ничего, о чем стоит сожалеть, за исключением его ближайших последствий: золотая Голова останется та же самая, и лишь пьедестал будет заменен другим, столь же ненадежным и сделанным из глины, как и до того. Вместо того, чтобы основываться на материализме, наука будет покоиться на антропоморфической суеверии — если субстанционалисты когда-либо одержат победу. Ибо вместо того, чтобы придерживаться одной философии, исповедуемой в духе полной беспартийности, и материалисты, и последователи того, что помпезно называется "философией субстанционализма", действуют в направлении, отмеченном предрассудками и предвзятостями; и те и другие растягивают свои факты на прокрустовом ложе своих увлечений. Это те факты, которые должны удовлетворять их теориям даже под угрозой искажения чистой природы Истины.

Перед тем как мы предложим читателю извлечение из работы одного субстанционалиста — это извлечение покажет лучше, чем могли бы это сделать критические обзоры, истинную природу утверждений "субстанциональной философии", — мы не намерены продвигаться дальше, так как они действительно в весьма небольшой степени интересуют нас, и тратить слова на их ошибки и претензии. Тем не менее, так как их идеи о природе физических сил и феноменов являются любопытным образом — лишь в некоторых отношениях — похожими на оккультные учения, мы намерены использовать их аргументы — для начала, в отношении магнетизма. На них невозможно дать ответы, и таким образом мы можем нанести поражение точным наукам при помощи ее собственных методов наблюдения и ее собственного оружия. До сих пор мы лишь познакомились с теориями субстанционалистов при помощи того, что ими написано. Возможно, что кроме значительного различия в наших взглядах на природу "производящих феномены причин", — как они довольно странно называют физические силы, — существует лишь небольшое расхождение в наших представлениях относительно субстанциональной природы света, теплоты, электричества, магнетизма, и так далее, — может быть, только в форме изложения и в терминологии. Однако, никакой теософ не мог бы согласиться с такими выражениями, которые используются в Новой Доктрине: например, "Если ее принципы истинны, тогда каждая сила или форма Энергии, известная науке, должна быть субстанциональной Сущностью". Ибо, хотя доказательства д-ра Холла в отношении магнитного флюида, являющегося чем-то большим, нежели "разновидностью движения", неопровержимы, все же существуют и другие силы, которые имеют совершенно иную природу. Так как эта статья, тем не менее, посвящена доказательству субстанциональности магнетизма, — животного или физического, — мы приведем теперь наилучшие аргументы из "Scientific Arena" (июль 1886 г.), которые когда-либо выдвигались против материалистической теории современной науки.

"Если на мгновение принять, что единичная сила природы, такая как звук, свет, или теплота, — это лишь вибрационное движение материи, будь это материальное тело сильно разреженным, как в случае предполагаемого эфира, или менее разреженным, как в случае воздуха, или плотным, как нагретая железная болванка, — это значит принять циничные утверждения материализма о полной аналогии между природой и наукой, действующей для блага будущей жизни человечества. И материалистические ученые этой страны и Европы хорошо знают это. И в той же самой степени они боятся распространения и всеобщего признания субстанциональной философии, в полной мере понимая, что в тот момент, когда силы природы будут признаны научными кругами как реальные субстанциональные сущности, а учение о том, что звук, свет, тепло, и т. д. являются

формами движения, будут оставлены, то вскоре и их материалистические увлечения исчезнут навсегда...

Следовательно, целью настоящей статьи, после такого повторения и выделения общего числа аргументов, появившихся за последний месяц, является показать, что сила *per se* (сама по себе) — это нематериальная субстанция, и она ни в коем случае не представляет собой движение материальных частиц. При этом мы намерены показать, что для христианских ученых абсолютно необходимо признать общие принципы субстанциональной философии, и поступать так всякий раз, если они надеются низвергнуть материалистический атеизм в своей стране или логически защитить религию при помощи научных аналогий и таким образом доказать субстанциональное бытие Бога так же, как и возможность субстанционального существования человеческой души после смерти. Таким образом, они снова имеют преимущество действовать успешно и с триумфом вновь усилить доказательства своих писаний при помощи благоприятствующих свидетельств самой природы.

Мы могли бы выбрать какую-либо из отдельных физических форм сил в качестве решающего критерия новой философии, или пробного камня субстанционализма. Но для того, чтобы насколько это возможно, избежать многословия и избыточных детальных объяснений, не являющихся необходимыми и привести лишь данные первостепенной важности, мы выбрали то, относительно чего никто из ученых на земле не будет сомневаться, что это — безусловная природная сила или форма энергии, — а именно, магнетизм. Эта сила, благодаря своим простым и прямым проявлениям, выражающимся в перемещении значительных тел на расстояние от магнита без присутствия какой-либо осязаемой субстанции, связывающей их с магнитом, выбрана для наших целей, поскольку это — признанный чемпион среди физических загадок у философов направления "форм движения" (*mode-of-motion*), как в этой стране, так и в Европе.

Даже для таких величайших современных физиков, как Гельмгольц, Тиндаль, сэр Вильям Томсон, и др., таинственное действие магнетизма, сколь бы ни объясняла его современная наука, представляло собой, по общему признанию, проблему, которая приводила их умы в совершенное смущение просто потому, что они, к сожалению, никогда даже мельком не могли уловить основных принципов субстанциональной философии, которые столь ясно раскрывают тайну. В свете этих принципов такой мыслитель, как сэр Вильям Томсон, вместо того, чтобы учить, как он это делал в своем открытом выступлении в Мидландском Институте (Бирмингем, Англия), что магнетизм — это лишь движение молекул, или, как он это выразил, лишь "свойство материи", или "вращение молекул" магнита, увидел бы с первого взгляда крайнюю недостаточность, с точки зрения причины и следствия, какой-либо взаимосвязи между такими движущимися молекулами в магните (предположим, что они двигаются), и перемещением железных предметов на расстояние.

Кажется странным, что столь разумные люди, как сэр Вильям Томсон и профессор Тиндаль, столь недавно сделали заключение о том, что магнетизм необходимым образом должен быть чем-то субстанциональным, однако невидимым и неосязаемым, когда он вытягивает свои механические, но невидимые пальцы на расстояние от магнита и тащит или толкает инертные кусочки металла! То, что они не видели абсолютной необходимости такого заключения, как единственно возможного объяснения получения механических эффектов, и очевидной несовместимости любых других предположений, — это удивительный результат помрачающего и вводящего в заблуждения влияния существующих ложных научных теорий на инакомыслящих, логичных и мудрых людей. И то, что такие люди были бы удовлетворены предположением о том, что слабые и локальные вибрации молекул и атомов магнита (необходимым образом ограниченные

размерами самого магнита), могли бы при любой возможности распространяться на расстояние вне его пределов и таким образом тащить или толкать брусок металла, преодолевая его инерцию, — побуждает некоторых людей забыть всякое уважение к проницательности и мудрости интеллекта этих великих ученых.

Другая наиболее значительная аномалия, имеющая отношение к физикам, к которым мы здесь и обращаемся, состоит в следующем: в то время как они не могут увидеть неизбежной необходимости существования реальной субстанции некоего рода, исходящей от из полюсов магнита и связывающей его с кусочком железа, посредством чего он и поднимается, и таким образом достигается физический результат, который не может быть произведен никаким другим способом, — они легко принимают действие всепроникающего эфира (субстанции, совершенно не являющейся необходимостью в природе), благодаря которому создается свет на этой земле как простое движение, и таким образом приспособливают его к предполагаемым звуковым волнам в воздухе! Таким образом, благодаря полнейшей выдумке вовсе не необходимой материальной субстанции, они пытались превратить не только свет, теплоту и магнетизм, но и все остальные силы в природе в разновидности движения, и ни по какой иной причине, кроме того, что звук ошибочно рассматривался предыдущими учеными как форма движения. Странно предположить, что невзирая на то, что предполагаемый эфир столь же неощутим для любых из наших органов чувств и нераспознаваем при помощи любого процесса, известного химии или механике, как и субстанция, которая необходимым образом должна исходить из полюсов магнита, брать и поднимать железный брусок, — все же физики доверчиво признают этот эфир, для существования которого нет никакой необходимости ни на земле, ни на небесах, и в то же время равнодушно отвергают признание последней, хотя она и совершенно необходима для достижения наблюдаемых результатов! Была ли когда-нибудь еще такая несуразица в отношении свидетельств научной теории?

Позвольте мне рассмотреть еще немного данную тему, прежде чем оставить ее. Если простое "вращение молекул" в стальном магните может произвести механической воздействию на кусочек железа, находящийся на расстоянии, даже через вакуум, как утверждает сэр Вильям Томсон, — почему же не может вращение молекул солнца вызывать свет на расстоянии без того, чтобы пространство было заполнено желеобразной материальной субстанцией "огромной жесткости", приводимой в волнообразное состояние? Каждому человеку, способному к научному мышлению, должно бы приходиться в голову, что изобретение "материального", "жесткого" и "инертного" эфира как существенной причины появления света на расстоянии от светящегося тела может служить примером одной из наиболее бесполезных растрат механической изобретательности, которую когда-либо совершил человеческий ум, — так обстоит дело, если есть хотя бы малейшая правда в учении сэра Вильяма Томсона о том, что простое "вращение молекул" в магните поднимет брусок железа на расстоянии. Почему не может вращение молекул солнца столь же легко создавать свет на расстоянии?

Философов "видов движения" (mode-of-motion) должно приводить в отчаяние то, что теория эфира, наполняющего пространство между магнитом и кусочком железа, который приводится в состояние вибрации вращающимися молекулами стали и который таким образом поднимает и переносит железный кусочек, — способна лишь на то, чтобы сделать из плохого еще более худшее. Если материальная вибрация в стальном магните, которая совершенно ненаблюдаема, связывается с удаленным бруском посредством некой материальной субстанции и ее вибрационных движений, которые также ненаблюдаемы, — не очевидно ли, что их воздействия на удаленный брусок должны иметь тот же самый механический характер, а именно, быть ненаблюдаемы? Вместо этого железный брусок поднимается физически, и ясно видно, что это происходит без какого-нибудь видимого

толчка, как это было бы в случае вибрирующего "желе", такого, каким должен быть требуемый эфир! Кроме того, такой физический подъем значительной массы совершенно несовместим с простым толчком, однако такой толчок или вибрация могут быть сильными и видимыми, в соответствии с некоторыми принципами, известными механике. Здравый смысл должен убеждать любого человека в том, что простая вибрация или толчок, даже сильный и чувственно воспринимаемый, не может ничего тянуть или толкать. Невозможно представить себе достижение такого результата, кроме как при помощи субстанционального агента, исходящего из магнита, захватывающего железный предмет, сильно толкающего и таким образом перемещающего его. Это все равно, что говорить о подтаскивании лодки к берегу без какой-либо веревки или другого вещественного приспособления, связывающего вас с лодкой. Даже сэр Вильям Томсон не утверждает, что можно подтянуть лодку при помощи молекулярных вибраций берега, или даже созданием видимого толчка в воде, как это весьма логично показал д-р Хемлин в своей недавней мастерски написанной статье о силе (см. "Микрокосм", том 5, стр. 98).

Хорошо известно, что магнит поднимает кусочек железа точно на такую же высоту через стеклянную тарелку, как и без нее. Закоренелый атеист м-р Смит из Цинциннати, Огайо, к которому мы обращались в нашей статье о субстанционализме в "Микрокосме" (том 3, стр. 278, 311), был крайне удивлен этим проявлением субстанциональной силы магнетизма, действующей на расстоянии через внесенную стеклянную тарелку. Когда мы помещали некоторое количество иголок и гвоздей на тарелку и располагали полюса магнита под ней, заставляя их двигаться вместе с магнитом, он увидел впервые в своей жизни действие реальной субстанции, проявляющее механическое влияние в виде перемещения значительных масс металла вопреки всем материальным условиям и при отсутствии возможности материальной связи или открытого пространства между источником и результатом такого субстанционального воздействия. И он спросил, воскликнув, если это так, то может ли не существовать субстанционального, разумного и нематериального Бога, и может ли у меня не быть субстанциональной, но нематериальной души, которая сможет жить отдельно от тела после его смерти?

Далее он поставил вопрос о том, уверены ли мы, что в стеклянной тарелке не было невидимых пор, через которые могла бы проникнуть магнитная сила, и таким образом не является ли эта сила наиболее тонкой формой материи из всех? Затем он помог нам наполнить тарелку кипяченой водой, на которой плавала карточка с помещенными на нее иголками, таким образом поместив между ними и магнитом наименее пористое из всех известных тел. Но это не вызвало ни малейшего изменения, и карточка с грузом иголок двигалась туда и сюда вслед за магнитом, который перемещался и под водой, и под тарелкой. Этого было достаточно даже для столь критически настроенного, но искреннего материалиста, и он поверил, что имеется субстанциональная, но нематериальная сущность в его атеистической философии.

Здесь приводится заключительный аргумент, при помощи которого мы показываем, что магнетизм, одна из сил природы, и наиболее представительная из всех этих природных сил, — это не только реальная, субстанциональная сущность, но и абсолютно нематериальная субстанция:¹ таким образом подтверждается наша оригинальная классификация сущностей во вселенной в материальной и нематериальной областях.

1. Если бы магнетизм не был реальной субстанцией, он не мог бы физически поднимать кусочек металла на расстоянии от магнита, так же, как и рука не могла бы поднять предмет некоего веса с пола без какой-либо вещественной связи между ними. Это самоочевидный трюизм и аксиома в механике, что никакое тело не может двигать или перемещать другое тело на расстояние без некоего реального субстанционального

посредника, связывающего их между собой, благодаря чему и достигается результат, так как иначе это было бы механическое следствие без причины — очевидный абсурд с точки зрения философии. Следовательно, сила магнетизма — это Реальная, субстанциональная сущность.

2. Если бы магнетизм не был бы нематериальной субстанцией, тогда любое практически не содержащее пор тело, помещенное между магнитом и притягиваемым объектом, препятствовало бы, по крайней мере, до некоторой степени, прохождению магнитного потока, чего не наблюдается. Если бы магнетизм был очень тонкой или разреженной формой материи, и если бы таким образом его проникновение через другие материальные тела зависело от их чувственно невоспринимаемых пор, тогда, очевидно, некоторая разница в свободе его проникновения и в соответствующей силе притяжения удаленного магнита было бы результатом большого различия в пористости разнообразных тел, подвергнутых испытанию, — как это было бы например в случае ветра, дующего через проволочную сетку с ячейками большего или меньшего размера, и соответственно оказывающую ему большее или меньшее сопротивление. Тогда как в случае этой магнетической субстанции, нет никакой разницы в каких-либо результатах проявления энергии механического перемещения удаленного кусочка железа, — сколько бы практически лишенных пор пластинок стекла, резины или каких-либо других материальных тел не помещалось между ними, или же в том случае, когда не было никакой иной субстанции, кроме воздуха, или же когда опыт проводится в полном вакууме. Перемещение совершается всегда с совершенно одинаковой силой и передвигает подвешенный кусочек железа на одинаковое расстояние в каждом и во всех случаях, какими бы точными и тонкими ни были бы инструменты, которыми проводится исследование и измерение".

Несомненно, что на вышеприведенные пассажи невозможно дать ответ. Что касается магнетической силы, или флюида, то субстанционалисты несомненно доказали свою правоту, и их триумф должен с радостью приветствовать каждый оккультист. Невозможно понять, каким образом феномен магнетизма — земного или животного — может быть объяснен иначе, чем посредством признания материального, или субстанционального магнетического флюида. То, что это так, не отрицают даже некоторые ученые — например, Гельмгольц, который верит, что электричество должно быть столь же атомическим, сколь и материя (Гельмгольц, "Фарадеевы лекции"). И хотя наука и готова отделить силу от материи, каким образом она сможет поддерживать свою позицию в дальнейшем.

Но мы не обладаем такой же уверенностью относительно некоторых других сил — так же, как и связанных с ними действий — и эзотерическая философия нашла бы легкое возражение каким-либо предположениям субстанционалистов — например, в отношении звука. И так как настанет день, когда новая теория, безусловно, восстанет против оккультизма, поэтому было бы полезно сразу же предусмотреть их возражения и расстановку сил.

Выражение "нематериальная субстанция", использованное выше в отношении магнетизма, весьма странно, и кроме того оно противоречит само себе. Если вместо того, чтобы говорить, что "магнетизм... это не только реальная субстанциональная сущность, но абсолютно нематериальная субстанция", автор относил бы это определение к свету, звуку и любой другой силе, мы не сказали бы ничего иного, кроме того, что прилагательное "сверхчувственный" было бы лучше приложимо к какой-либо силе, чем слово "нематериальный"². Но сказать это о магнетическом флюиде неправильно, так как это сущность, ясно воспринимаемая любым ясновидящим, как в темноте — в случае

одического излучения — так и на свету — когда действует животный магнетизм. Флюид, пребывающий в сверхчувственном состоянии, все же является материей, и не может быть "нематериальным", и это выражение сразу же становится нелогичным, так как является софизмом. В отношении других сил — если "нематериальными" называть лишь те силы, которые объективны, но находятся за границами наших нынешних обычных органов восприятия или чувств, — это совершенно правильно; но когда бы субстанционалисты ни обозначали что-либо таким словом, мы, оккультисты и теософы, сомневаемся относительно формы, в которой они его употребляют. Субстанция, как говорят нам философские словари и энциклопедии, это то, что лежит в основании внешних феноменов; substratum (субстрат); постоянный субъект или причина феноменов, материальных или духовных; то, что является носителем свойств; то, что реально, в отличие от того, что лишь видимо, — особенно в этом мире майи. Короче говоря, это — реальная, и единственно реальная Сущность. Но оккультные науки, хотя и называющие Субстанцию ноуменом всякой материальной формы, истолковывают этот ноумен как все же материальный — но только на ином плане. То, что является ноуменом для нашего человеческого восприятия, является материей для восприятия Дхьян Чоханов. Согласно объяснению нашего ученого брата-ведантиста, Т. Субба Роу, Мулапракрити, первый универсальный аспект Парабрахмы, ее космическое покрывало, сущность которого для нас непостижима, — для ЛОГОСА "так же материальна, как какой-либо предмет материален для нас" ("[Заметки о Бхагавад Гите](#)"). Поэтому, никакой оккультист не назовет Субстанцию "нематериальной" in esse (по существу).

Субстанция — это термин, вводящий в заблуждение в различных случаях. Мы можем назвать наше тело, или обезьяну, или камень, так же как и любой другой предмет — "субстанциональным". Поэтому мы скорее называем "сущностью" материю тел таких Существ — сверхчувственных Существ, в существование которых мы верим, но которых наука и ее поклонники рассматривают как суеверие и бессмыслицу, называя выдумками как "личного" бога и ангелов христиан, так и наших Дхьян Чоханов, или Дэвов, "Планетарных Людей", Гениев, и так далее, у каббалистов и оккультистов. Но последние никогда не помышляли о том, чтобы называть свет, звук, теплоту, силу трения, и т.д. — "сущностями", как это делают субстанционалисты. Они определили бы такие силы как чисто нематериальные воспринимаемые действия — вовне, субстанциональных и эссенциальных ПРИЧИН — внутри: в окончательном итоге которых, или в самом источнике, пребывает БЫТИЕ, чья сущность видоизменяется в зависимости от Элемента³, к которому оно принадлежит (См. "Монады, Боги и атомы" в 1 томе "Тайной Доктрины", книга 2). И нельзя смешивать душу с силами, которые существуют на совершенно ином уровне восприятия. Поэтому теософа возмущает то, что субстанционалисты столь нефилософски помещают душу среди сил.

Приведя, как он сообщает читателям, "обоснование своих аргументов к точным аналогиям, существующим в природе", редактор "Scientific Arena" в статье, озаглавленной "Научное доказательство будущей жизни", продолжает следующим образом:

"Если принципы субстанционализма верны, тогда, как это было показано, каждая из известных науке сил или форм энергии должна быть субстанциональной сущностью. В дальнейшем мы намерены показать, что если некая форма силы убедительно продемонстрировала свое субстанциональное или объективное существование, было бы отступлением от здравого смысла и логики не наделять все остальные силы или создающие феномены причины в природе такой же субстанциональной сущностью. Но если бы какой-либо вид физической силы, или одна единственная создающая феномены причина, — такая как теплота, свет, или звук, — могли бы показать себя простым движением материальных частиц, а не субстанциональной сущностью, тогда при помощи

разумной аналогии и гармоничного единообразия законов природы, все остальные силы или производящие феномены причины, будь они физическими, витальными, ментальными или духовными, должны были бы попасть в ту же самую категорию как не обладающие сущностью виды движения материальных частиц. Однако в таком случае это привело бы к тому, что душа, жизнь, разум, или дух, — столь удаленные от бытия субстанциональные сущности, которые могут создать основу для надежды на бессмертное существование после данной жизни, — должны были бы в соответствии с материализмом, считающим их простым движением частиц мозга и нервов, прекратить свое существование, как только такие физические частицы прекратят свое движение в результате смерти".

ДУХ — это "субстанциональная Сущность"!! Безусловно, в данном случае субстанционализм не может сколько-нибудь серьезно претендовать на право называться философией. Но дочитаем доказательства до конца. Мы обнаруживаем справедливую и правомерную атаку на материализм, которая оканчивается тем же самым нефилософским утверждением.

"Исходя из вышеприведенного утверждения наиболее заметных положений материалистической науки, так как они направлены против существования души после смерти, мы делаем логичный вывод о том, что никакой христианский философ, который признает общепринятые доктрины о звуке, свете и теплоте как лишь о видах молекулярного движения, никогда не сможет ответить на аналогичные рассуждения материалиста против бессмертия человека. Никакой иной способ видения, на чем мы столь часто настаивали, не может успешно выдвинуть против таких материалистических рассуждений или настроений какое-нибудь возражение на этот великий аргумент Геккеля и Гексли, направленный против души как сущности и его возможного существования отдельно от тела, — кроме учения субстанционализма, которое последовательно утверждает, что душа, жизнь, разум и дух — это необходимым образом субстанциональные силы или сущности, исходя из аналогий физической науки, а именно — субстанциональной природы всех физических сил, включая притяжение, электричество, магнетизм, трение, звук, свет, теплоту, и так далее.

Эта непоколебимая позиция субстанционализма, проистекающая из логической аналогии, основанная на гармонизирующем единообразии природных законов и сил, образует бастион субстанциональной философии и согласно природе вещей должна навсегда установить неприступную башню системы этого учения. Если здание субстанционализма, построенное и укрепленное таким образом, будет захвачено и разграблено силами материализма, тогда наши труды за многие годы, очевидно, сведутся к нулю. Скажите, если вам угодно, что армии субстанционалистов таким образом сжигают за собой мосты. Это так. Мы предпочитаем смерть капитуляции или отступлению; ибо если эта фундаментальная позиция не может устоять против объединенных сил наших врагов, — тогда все пропало, материализм одержал победу, и смерть — это полное уничтожение человеческой расы. Поэтому здесь, внутри этой главной цитадели принципов, мы должны укрепиться, чтобы спастись или погибнуть, и здесь, окруженные алмазной стеной, мы храним все свои сокровища и военные запасы, и если агностическая орда материалистической науки надеется овладеть ими, пусть они направят против нее огонь своей самой тяжелой артиллерии...

Как странно, что тогда, когда сами материалисты, понимая безнадежность своего положения, столь охотно используют истинные плоды аналогического аргумента, основанного на субстанциональной природе физических сил, — мы обязаны убеждать мнимых субстанционалистов, предоставляя им аргумент за аргументом для того, чтобы доказать им, что они вовсе не являются субстанционалистами в истинном смысле этого

слова, до тех пор, пока они оставляют одну-единственную природную силу или одну-единственную создающую феномены причину в природе, за пределами всей категории субстанциональных сущностей!

Духовный отец нашего знакомого горячо говорит об окончательном успехе субстанциональной философии и гордо именуется субстанционалистом, но отказывается включать звук в субстанциональные силы и сущности, признавая таким образом в действительности волновую теорию! Если исходить из логического постоянства, что мог бы сказать этот священник, отвечая другому "субстанционалисту", который настаивал бы на красоте и истинности субстанционализма, но не включал бы туда свет? И еще одному, кто не мог бы включить туда теплоту, или электричество, или магнетизм, или силу тяжести? И все же все они являются добрыми "субстанционалистами" по тому же самому принципу, как и тот, кто оставляет звук вне субстанциональной категории, все еще утверждая, что он правоверный субстанционалист! Почему бы им не оставить вне перечня этих сущностей жизненную силу, силу разума и духовную силу, представляя их, подобно силе звука (как настаивают материалисты), лишь вибрацией материальных частиц, и при этом претендовать на то, чтобы называть себя добрыми субстанционалистами? Гекель и Гексли, в таком случае, были бы в таком случае готовыми кандидатами для крещения в церкви субстанционализма.

Истина состоит в том, что священник, который может принять хотя бы на один момент, что звук состоит из движения частиц воздуха, то есть не является субстанциональной сущностью, представляет собой материалиста в глубине души, хотя он может и не осознавать логического водоворота, который засасывает его в научную деструкцию. Все мы слышали о постановке "Гамлета", где был пропущен Принц Датский. Такой же была бы научная пьеса субстанционализма, в которой замалчивался бы вопрос о звуке, а теория акустики передавалась бы материализму (см. нашу редакционную статью "Значение дискуссии о звуке", "Микрокосм", том 5, стр. 197)".

Мы симпатизируем священнику, который отрицает включение звука в число "субстанциональных сущностей". Мы верим в ФОНАТ, но вряд ли признали его Голос и Эманации за "Сущности", хотя они и создаются электрическим столкновением атомов и отражениями, производящими и Свет, и Звук. Наука не признала бы наш Fohat в той же степени, как и звуковые или световые сущности "субстанциональной философии"(?). Но мы во всяком случае удовлетворены тем, что Fohat, как только он будет правильным образом объяснен, окажется более философичным, чем материалистические или субстанциональные теории природных сил.

Как может кто-либо, претендующий и на научное, и на психологическое мышление, говорить о душе и о духе, и помещать их на том же самом уровне, что и физические явления природы, используя при этом язык, который может быть применен только по отношению к физическим фактам! Даже профессор Бейн, "монистический АННИГИЛЯЦИОНИСТ", как его называют, признает, что "ментальные и телесные состояния являются в высшей степени контрастными"⁴.

Таким образом, прямое заключение, к которому в любом случае могут прийти оккультисты и теософы на основании кажущихся достоверными свидетельств, полученных из письменных источников, и которые никакая философия не сможет теперь опровергнуть, состоит в том, что субстанциональная философия, пришедшая в этот мир для того, чтобы бороться с материалистической наукой и прикончить ее, неизмеримо превзошла последнюю в материализме. Ни Бейн, ни Гексли, ни даже Геккель, никогда не смешивали до такой степени ментальные и физические феномены. В то же самое время,

"апостолы материализма" находятся на более высоком философском уровне, чем их оппоненты. Ибо обвинения, выдвинутые против них в том, что согласно их учению душа представляет собой "всего лишь движение частиц мозга и нервов", неверно, поскольку они никогда не высказывались таким образом. Но если даже предположить, что они бы имели такую теорию, то это соответствовало бы субстанционализму, поскольку он уверяет нас, что душа и дух, так же как все "создающие феномены причины" (?), физические, ментальные или духовные, — если они не рассматриваются как субстанциональные сущности, — "должны находиться внутри той же самой категории, что и не обладающие сущностью (?) формы движения материальных частиц".

Все это не только мучительно неясно, но и почти бессмысленно. Вывод о том, что признание научных теорий света, звука, теплоты и т.д. было бы равнозначно признанию душевного движения молекул, вряд ли заслуживает обсуждения. Совершенно верно, что около 30 — 40 лет назад Бюхнер и Молешотт пытались доказать, что ощущение и мысль являются неким движением материи. Но это было объявлено хорошо известным английским аннигиляционистом "недостойным имени ~философии~". Ни один человек с истинной научной репутацией или какой-либо известностью, — как Тиндаль, Гексли, Модсли, Бейн, Спенсер или Льюис в Англии, Вирхов или Геккель в Германии, — никогда не заходили столь далеко, чтобы сказать: "Мысль — это движение молекул". Единственное их разногласие с теми, кто верит в душу, было и остается в том, что тогда как последние рассматривают душу как причину мысли, ученые утверждают, что мысль сопутствует определенным физическим процессам в мозге. И они (истинные ученые и философы, хотя бы и материалистические) никогда не говорили, что мысль и движение в нервной системе — это одно и то же, но утверждали, что они представляют собой "субъективную и объективную сторону одного и того же".

Джон Стюарт Милль — это хороший авторитет и пример для цитирования, чтобы таким образом опровергнуть эти обвинения. Ибо, говоря о грубом и приблизительном методе попыток разложить ощущение на нервные движения (беря в качестве примера случай нервных вибраций в мозгу, которые являются физической стороной светового восприятия), он говорит, что "в основе всех этих движений находится нечто, что не является движением — это чувство или ощущение цвета". Следовательно, совершенно правильно говорить, что "субъективное чувство", о котором говорит здесь Милль, переживает даже принятие волновой теории света или тепла как вида движения. Ибо последняя базируется на физической спекуляции, а учение о первом построено на вечной философии — хотя оно и весьма несовершенно, поскольку в столь сильной степени заражено материализмом.

Наш спор с материалистами происходит не столько из-за их бездуховных сил, сколько из-за их отрицания существования какого-либо "носителя силы", ноумена света, электричества и т.д. Обвинить их в том, что они не делают различия между ментальными и физическими явлениями, — это все равно, что объявить себя несведущим в их теориях. Наиболее знаменитые негационисты сегодня являются первыми среди тех, кто признает, что САМОСОЗНАНИЕ и ДВИЖЕНИЕ — "это противоположные полюса бытия". Тот вопрос, который ожидает урегулирования между нами и материалистическими ИДЕАЛИСТАМИ, — жизненно важный парадокс, между прочим, представленный сегодня наиболее известными авторами идеалистической философии в Англии, — это вопрос о том, является ли сознание лишь переживаемым в связи с органическим молекулами мозга, или нет. Мы говорим, что именно мысль или разум приводит молекулы физического мозга в движение; они же отрицают какое-либо существование разума, независимое от мозга. Но даже они не называют месторасположение разума "молекулярной фабрикой", говоря лишь о наличии "разумного принципа" —

местоположении или органическом базисе проявляющегося разума. Такое реальное отношение материалистической науки может быть продемонстрировано, если читатель вспомнит утверждения м-ра Тиндаля в его "Научных фрагментах", ибо со времени его дискуссии с д-ром Марино позиция материалистов не претерпела изменения. Эта позиция остается неизменной, если мы на самом деле не помещаем гило-идеалистов на тот же самый уровень, что и м-р Тиндаль, что было бы абсурдно. Объясняя феномен Сознания, этот великий физик приводит вопрос м-ра Марино: "Человек может говорить: ~я чувствую, я думаю, я люблю~; но каким образом сознание привносит себя в проблему?" И он отвечает так: "Переход от физики мозга к соответствующим фактам сознания непостижим. Мы признаем, что определенная мысль и молекулярное действие в мозгу происходят одновременно, но мы не обладаем интеллектуальным органом, или хотя бы каким-либо рудиментом такого органа, который позволил бы нам перейти путем осознания от одного к другому. Они возникают одновременно, но мы не знаем, почему. Если бы наш разум и чувства были столь расширены, усилены и пронизательны, как это необходимо для того, чтобы увидеть и почувствовать молекулы мозга; если бы мы были способны проследить все их движения, все их группировки, все их электрические разряды, если таковые случались бы; и если бы мы были внутренне знакомы с соответствующими состояниями мысли и чувства, — и тогда мы были бы столь же далеки от решения этой проблемы, как были и до того: ~Каким образом такие физические процессы связаны с сознанием?~ пропасть между этими двумя классами феноменов все же оставалась бы интеллектуально непреодолимой".

Таким образом, обнаруживается меньше несогласия между оккультистами и современной наукой, чем между ними и субстанционалистами. Последние совершенно безнадежно смешивают субъективные и объективные аспекты всех феноменов, а ученые — нет, и напротив, они ограничивают субъективное лишь земными или физическим феноменами. В данном случае они выбирают картезианский метод в отношении атомов и молекул; мы придерживаемся древних философских убеждений, столь интуитивно воспринятых Лейбницем. Наша система, таким образом, может быть названа, как это сделал он, "спиритуалистической и атомистической".

Субстанционалисты с глубоким презрением говорят о научной теории колебаний. Но до тех пор, пока они не докажут, что их взгляды могут достаточно хорошо объяснить феномены и кроме того, заполнить существующие бреши и щели в современных гипотезах, они вряд ли имеют право использовать подобный тон. И поскольку все такого рода гипотезы и спекуляции являются лишь временными, нам было бы лучше оставить их в одиночестве. Наука совершила удивительные открытия в объективной плоскости всех физических явлений. Но где она действительно ошибается, так это когда она видит в одной материи — то есть в той материи, которая ей известна, — альфу и омегу всех феноменов. Однако, отрицание научной теории световых и звуковых колебаний должно бы вызывать такие же насмешки, как и отрицание учеными физических и объективных спиритуалистических явлений и объяснение всех их как мошенничества. Наука точно установила и доказала ту скорость, с которой распространяются звуковые волны, и она искусственно смоделировала (по данным о прохождении звука при помощи этих волн) человеческий голос и другие акустические феномены. Восприятие звука — реакция сенсорного тракта на некий объективный стимул (атмосферное колебание) — это действие сознания: и назвать звук "сущностью" на этом плане — это значит объективировать самым курьезным образом субъективный феномен, который является в конце концов лишь следствием, — низшим итогом последовательности событий. Если материализм помещает все в область объективной материи и не может увидеть исходных и первоначальных источников сил — то сколь же велики ошибки материалистов; ибо это лишь обнаруживает ограниченность их собственной способности слышать и видеть —

ограниченность, которую понимает сам Гексли, ибо он неспособен, исходя из своих собственных убеждений, определить границы наших чувств, и все же он отстаивает свою материалистическую тенденцию ограничивать звук только сферой материи и уровнем нашего восприятия. Смотрите, великий биолог останавливает развитие наших чувств и ограничивает силы человека и природы в своей обычной ультра-поэтической манере. Послушайте, как он говорит (согласно книге Стерилинга "О протоплазме") об "удивительной полуденной тишине тропического леса", которая "в конце концов обусловлена лишь недостатками нашего органа слуха, и если бы наши уши могли уловить бормотание тех слабых вихрей, которые проносятся в бесчисленных мириадах живых клеток, составляющих каждое дерево, мы были бы оглушены этим, как шумом большого города".

Кроме того, телефон и фонограф должны опровергнуть любую теорию, кроме теории колебаний, — как бы материалистически они ни были бы выражены. Следовательно, попытка субстанционалистов "показать ошибочность волновой теории звука, как универсального учения, и обрисовать субстанциональную теорию акустики", не может достигнуть успеха. Если бы они показали, что звук — это не разновидность движения по своему происхождению, и что силы — это не просто качества и способности материи, вызванные или созданные в материи, благодаря материи и посредством материи, в определенных условиях, — они бы достигли великого триумфа. Но, будь они субстанцией, материей или действием, звук и свет никогда не могут быть отделены от своих форм проявления посредством колебаний, — и субъектная или оккультная природа в целом является единственным вечным, постоянным движением **ВИХРЕВЫХ** колебаний.

---

1. Здесь использовано совершенно ошибочное слово. См. текст. — Е.П.Б.

2. Мы используем термины "материя или субстанция, существующие в сверхчувственных условиях", или "сверхчувственные состояния материи", для того, чтобы избежать вспышки неистового и немедленного критицизма не только со стороны людей науки, но и от обыкновенных образованных людей, которые понимают значение терминов.

3. Не нужно еще раз напоминать читателю, что мы имеем ввиду под Элементами не воздух, воду и землю, чье существование доступно нашему физическому и чувственному восприятию, — но ноуменальные Элементы древних.

4. Кроме того, субстанционалисты называют духом то, что мы называем разумом (манас), и то, что вместе с ним занимает место Атмы — это душа; коротко говоря, они смешивают повозку с тем, кто находится внутри нее.

"Люцифер", сентябрь 1891 г.